

К СЕВЕРУ ОТ ПЕРВОЙ ПАРТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКСАНДР КАЛИНИН

18+

Александр Калинин
К северу от первой парты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Калинин А.

К северу от первой парты / А. Калинин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Учителя – люди сложные. Упорно делающие вид, что «профессиональным выгоранием» их не испугать. Люди, чья спина мгновенно принимает форму вопросительного знака, лишь только речь заходит о зарплате. Люди, что так до конца и не определились, любят они детей или ненавидят. У учителей хватает как минусов, так и плюсов. И все же, как ни крути, но именно с учителями мы проводим одиннадцать самых долгих лет своей жизни. А это чертовски много! Про учителей написано немало. Но хочется еще чуть-чуть. Рассказать, например, о тайнах учительской курилки. Или поделиться сплетнями про Анну Федоровну. Выяснить, в какие теплые края улетели учителя труда. Не сболтнуть про роман... Ой, тьфу, почти сболтнул! О многом хочется рассказать. Но, давайте начнем с главного: во всем виноваты борода! Именно их козни толкнули трепещущего выюношу в объятия педагогики... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо вступления	6
Глава 1. О кривых путях и прямых дорожках	8
Глава 2. О директорах и неожиданных открытиях	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реальными людьми случайно. События тоже вымышлены. Все даты перепутали историки. И вообще, все ложь и брехня, сделанная по заказу рептилоидов. Перед прочтением рекомендуется сэжечь.

Вместо вступления «Когда б вы знали, из какого сора...»

На дворе стояли уже не первые послевоенные годы, и у властей, наконец, появилась возможность всерьез взяться за восстановление системы советского образования...

* * *

– ...но ты не переживай. Ты справишься! Ты же гордость всего поселка! Они там того... – Семеныч запнулся подыскивая нужное слово, и одного не найдя перешел к следующей мысли. – Ты только вот чего. Коли будут тебя в райцентр звать – не соглашайся. Куда же мы без тебя?! Никак тебе нельзя в райцентр. —

Матвей энтузиазма старосты не разделял. Он и впрямь был самым образованным человеком в поселке. Ну или так, – он был единственным во всем Березовске, кому удалось начать и закончить обучение в советской школе. И вот это-то образование и нагоняло на него ныне тоску. Прямо сейчас он на практике уподобился древнему иудейскому царю, всеми потрохами ощущая, как таятся многие печали в его довольно ограниченных знаниях.

Матвей приблизительно представлял, какой должна быть школа. Что-то на личном опыте, что-то по рассказам. Но главное, он понимал, что один человек не должен быть учителем русского языка, истории, математики и всех остальных предметов одновременно. И приезжающая из Москвы комиссия вряд ли будет в восторге от того, что в Березовске учитель как раз таки один. И, кстати, не отличник учебы, вопреки тому, что он привык рассказывать местным...

Впрочем, деваться все равно было некуда. Комиссия – не зарплата, приходит точно в срок. Москва не поскупилась, и в заявленный день, в поселок Березовск прибыл отборный десант маститых столичных педагогов, отправленных исследовать состояние образования в глубинке. И кого тут только не было, и химики, и физруки, и литераторы, и политинформаторы, все как один со стажем и наградами. И все против одного-единственного Матвея.

Со своей стороны, комиссии тоже приходилось несладко. Члены ее заметно оторвались от трудящихся масс. В своих златокупленных и твердокаменных столицах они расслабились и позабыли, каково оно, за пределами Москвы. Потеряли связь с народом...

Народ же, тем временем, пребывал в полной боевой готовности. И к встрече дорогих гостей подготовился основательно.

Так что путь к местной школе выдался у москвичей воистину тернистым. Для начала им пришлось пережить экскурсию в передовой сельский свинарник. Потом принять участие в торжественном партийном собрании. И, наконец, в финале – выжить в мясорубке деревенского праздничного стола.

К первому уроку столичные мэтры не встали. Сила их воли была велика, но не настолько, чтобы тягаться с похмельем от лучшего самогона Семеныча. Ко второму тоже.

Матвей уже даже понадеялся, что и вовсе не придут. Но для настоящего советского человека Долг – не пустой звук. Ради Просвещения, мэтры были готовы на жертвы. Они нырнули в ледяные пучины местной речки, с содроганием тянули по стопке вчерашнего самогона и прочитали все мантры с молитвами Марксу и Энгельсу. И силы вернулись-таки к ним! Аккурат к последнему уроку математики.

Следуя заведенным в столице традициям, комиссия разместилась в противоположном от учителя конце помещения. Как назло, адаптированный под нужды образования сарай имел в этой своей части естественное возвышение. И комиссия, волею безымянных сельских строи-

телей взирала на происходящее не только с высот своих бесконечных познаний, но и высот вполне себе обыденных, земных. При взгляде на эти строгие, монументальные фигуры генетическая память Матвея, вне всякого сомнения, воспроизвела образ то ли Тройки, то ли Троицы. Не суть, – коленки все равно дрожали.

Матвей старался изо всех. Причем старался он, в первую очередь не глядеть на жутких гостей и, только во вторую – провести урок как можно лучше. Благо тема попалась не сложная – сложение дробей, и Матвей мог блеснуть. Он лихо показал, как складываются дроби с разными знаменателями. Сначала складываешь числители, потом знаменатели. И вот вам результат. Ученики не подвели, и решали примеры без проблем.

Лишь раз Матвей все-таки дал слабину. Не удержался, и украдкой бросил взгляд на комиссию. Самогон тому виной, социалистическая выдержка, богатый жизненный опыт или иное какое чудо, но единственным признаком жизни лучших педагогических умов СССР были странные конвульсии, время от времени сотрясавшие тела москвичей.

И только когда дети разошлись по домам, Матвей узнал кое-что новое про сложение дробей...

Члены комиссии были шокированы всем увиденным, сокрушены всем выпитым, потрясены всем народным. Они даже не отстранили Матвея. И не только потому что некем, но еще и потому, что нужно было как-то все это переварить.

На следующий день, посиневшие, но все еще живые члены комиссии снова пришли на урок. Казалось бы, все уже было понятно и после первого посещения, но командировка-то была выписана на несколько дней. Единственное, что интересовало уважаемых товарищей помимо скорейшего возвращения домой, это вялое любопытство на тему того, как будет выкручиваться сельский учитель из сложившейся ситуации

Любому человеку сложно признавать свои ошибки. Учителю – тем паче. А уж если ошибки эти элементарные, то и вовсе – кошмар. А не признаться тоже никак. Комиссия-то – вот она, снова на заднем ряду.

Но вот что отличает хорошего учителя от плохого. Хороший учитель может ошибиться в деталях, потому что он прав в главном. Он сохраняет дух образования, тот самый его истинный свет, что рассеивает тьму неучения. И хотя комиссия этого еще не знала, как не знал и председатель сельсовета, да наверное, и сам Матвей – он был настоящим учителем!

С совершенно каменным спокойствием Матвей вышел к своим ученикам. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда ученики успешно складывали дроби на доске, согласно его давешним наставлениям. И лишь когда материал закрепили, Учитель совершил ход конем.

– Вот так, товарищи, – он торжествующе оглядел класс, – именно так складывали дроби до революции...

Юные товарищи еще не до конца понимали, что это означает. А вот на лицах товарищей старых в рекордные сроки отразился чуть ли не весь спектр радуги. В один и тот же момент они ухитрились побледнеть и покраснеть, посереть и побагроветь.

Матвей же продолжал, – Но товарищ Ленин и коммунистическая партия развенчали эту глупость. Она научили нас...

Глава 1. О кривых путях и прямых дорожках

Во всем виноваты бороды! Именно их совместные козни толкнули трепещущего вьюношу в объятия педагогики.

Первая борода принадлежала мудрому волшебнику Гендальфу, страницы с похождениями которого были зачитаны вьюношей до дыр и заляпаны крошками вплоть до изменения цвета, фактуры и молекулярной толщины.

Чуть позже к старому магу присоединились бороды из реального мира. Принадлежали они учителям школы при институте философии и богословия, куда попал вьюноша в конце 90-х годов.

Бороды были прекрасны. Проклюнулись они на диссидентских кухнях 70-х, выросли в щедро удобренных тюрьмах и колониях 80-х и заколосились в свободные 90-е (в те далекие годы судимость по факту еще не препятствовала педагогической деятельности).

А еще они были увлечены прекрасным. К религии относились с Булгаковской нежностью. К истории, философии и политике – с неослабевающим интересом, коим щедро делились с поколением Pepsi. И даже будучи тяжело потрепаны спирт-роялем, бороды не переставали излучать тепло и благодать.

Вьюноша, доселе в ученической своей жизни сталкивался, главным образом, с бронированными советскими учительницами Бэлами, Эрами и Зинами. И антидота к бородатому обаянию не имел, а, следовательно, влюбился, решительно и бесповоротно.

И в сердце его зажглась мечта стать волшебником. Точнее диссидентом. Точнее бородатым учителем. А ведь мечты имеют свойство сбываться!

Грудь на грудь

Грудь Зинаиды Гранитовны подавляла. Была она воистину фундаментальна! Увидь ее шуплые Рубенсовские красотки – удавились бы от зависти! Ну и, справедливости ради, – коли есть такой весомый аргумент, то грех им не пользоваться. Вот Гранитовна и пользовалась.

Идет, скажем, неосторожный вьюноша по коридору, и тут раз, выкатывается, откуда не возьмись Администрация, преграждает путь и прет в атаку. Грудью вперед, ни шагу назад, – в лучших традициях советской армии! Задавить врага! Или как минимум, деморализовать до икоты. Тут не то, что молодой историк, – любой немецкий ас отвернул бы.

Да вот только куда? Гранитовна умело загоняла жертву в глухой угол, отрезала любые пути к отступлению и затем уверенно подавляла последние очаги сопротивления. И ведь не готовят к такому в университетах...

Попытки уйти в глухую оборону помогали слабо. Закрыться от наступающего противника глубокими траншеями документов. Воспользоваться звонком для совершения стремительного отходного маневра. Дезориентировать неприятеля диверсионными группами сочувствующих школьников. Все это – временные меры. Остановить наступающую грудь они не могли, разве что ненадолго задержать ее победоносное шествие.

Историк, покопавшись в своих кучьих книжных познаниях, попытался сменить тактику и воспользоваться военным опытом народов Востока. Он стал незаметен как японский ниндзя. Незримой тенью растворялся он на переменах. Мимо места дислокации вражеской груди (кабинет напротив центральной лестницы) проскакивал стремительно как монгольская конница. Как вьетнамский партизан сливался с окружающей местностью в мужском туалете.

Не помогало... Даже напротив, все эти жалкие ухищрения лишь злили Администрацию. Все они доказывали ровно одно, противник – и не мужчина вовсе. А на кой черт нужен школе мужчина, если он не мужчина!? Правильно – не нужен!

Война шла не один год, и тихонечко уже катилась к позорной капитуляции, когда внезапно произошла битва у компьютерного класса.

Как Гранитовну, не признававшую существования компьютеров занесло в эту часть школы, истории не известно. Но вот занесло. И здесь, обнаружив неприятеля, она сразу же загромычала, развернула орудия и пошла в атаку. Но вот только момент был неподходящий. Все та же история стыдливо умалчивает, чье присутствие вызвало в историке готовность биться до конца, но ведь вызвало! Вьюноша пошел на прямое «грудовое» столкновение...

Натуралисты наблюдавшие поведение молодого учителя во время его встреч с Гранитовной, отмечали обычно следующие реакции. Втянутая в панцирь голова и гробовое молчание, изредка разбавленное коротким признанием своей безбрежной вины или формальными извинениями. Добавить к тому приваренный к полу взгляд, и выйдет вылитая статуя жертвам первой мировой войны в Мехелене.

Тем удивительнее было произошедшее в компьютерном классе. Вьюноша неожиданно не стал отступать. Напротив, твердо шагнул навстречу Гранитовне. Да так, что от физического столкновения набычавшихся педагогов разделили жалкие микроны. И взгляд молодой учитель не отвел. Наконец, впервые за долгое их знакомство, он осмелился прервать словесный поток неприятеля.

– Никогда, и ни при каких обстоятельствах не говорите мне ни-чего. Если есть что-то по работе – в письменной форме. –

Уже занесенная было для решительного удара, грудь замерла. Немного помедлив, Гранитовна все же оставила за собой последнее слово. – Вот раньше бы так...! – сказала она неожиданно мягко и отступила. И открыто больше историка не атаковала.

Хоть диссертацию пиши, на тему «особенности национального воинского менталитета».

А не насрать ли?

В школе буйствовали гормоны. И вовсе не те, что наносит на свои стрелы красавчик Купидон. Увы, это были их злые братья-близнецы, что обыкновенно вызывают весеннее обострение

Для начала на перемене гормоны привели в кабинет истории Зинаиду Гранитовну. И уже одного этого было достаточно, чтобы понять, – в этот день своей прошлой жизни вьюноша согрешил особо тяжко, и мстительная карма ступила на тропу войны.

На этом гормоны не успокоились. Посреди урока они грянули безобразной выходкой в исполнении парочки бунтующих десятиклассниц.

И это была последняя капля. Чаша морального и психического равновесия молодого учителя опасно накренилась. Слезы из глаз его не побежали только по одной причине. В связи с высокой температурой тела, повышенная влажность нашла себе выход в виде пара из ноздрей и ушей.

Вьюноша вылетел из кабинета и устремился в учительскую, в поисках уголка для оскорбленного чувства. И это был тот редкий случай, когда «уголок» нашелся. В лице Павла Семеновича.

Облик Павла Семеновича был таков, что случайный прохожий никогда не заподозрил бы в нем учителя. Он возвышался над среднестатистическим педагогом как статуя Церетели над лилипутами. А ведь помимо роста, сей выдающийся образчик выпускника философского факультета обладал еще и широкими плечами, квадратным, тщательно выбритым подбородком, и улыбкой кота, объевшегося ворованной сметаной.

Павел, стоически выслушал краткую версию произошедшего, добродушно закатил глаза и предпринял меры. Для начал он усадил кипящего вьюношу на диван. Затем жестом фокусника извлек откуда-то пару пузатых чашек и пачку печенья, и безапелляционно объявил свою волю – Мы сейчас будем пить чай и смотреть «того самого Мюнгхаузена».

– А что с классом?

– Да ничего с ними не случится. – Добродушно напрозорчил Семенович. – Забыть и насрать.

Предсказание сбылось. За оставшееся время урока ничего с классом не случилось. Возмутительницы спокойствия поварились какое-то время в своем соку, а затем в поисках чистых сильных эмоций направились за пропавшим учителем. Учителя нашли, а вот во всем остальным их ждала неудача. Просить прощения или чего они там собирались, Семенович им не позволил. Безапелляционно махнул рукой, дескать, не мешайте. И никаких нотаций, декламаций или эмоций. Даже жалко девочек.

С того момента вели они себя по-человечески и нервы молодому учителю больше не трепали. И впрямь, а чего понапрасну тратить силы, если остро-сладкой мексиканской драмы не последует? Если человеку насрать!?

Философское умение Павла Семеновича вовремя «насрать» вообще оказывало на школьников удивительное воздействие. Они обожали его уроки обществознания, доверяли ему, и за решением любых организационных или технических вопросов шли именно к нему.

Если Семенович «насрал» – значит и дергаться не надо. Не стоит того проблема. А если «не насрал» – можно не беспокоиться, – займется и решит.

Коллектив, в свою очередь томительно мечтал, когда Семеновичу все наскучит, и он уйдет в бизнес. Потому как открыто воевать с философом Гранитовна со своими присными боялась. А на мелкие подначки ему было...

Давайте говорить как петербуржцы:

Искусство насрать – направление в дзен-пофигизме.

Искусство поднасрать – коммуникативный навык, эффективный в случаях, когда надо ненавязчиво избавиться от лишних людей.

Училити (Предание о «бандитском» прошлом Павла Семеновича)

Кончено, Павел Семенович не сразу обрел покой и умиротворение в душе своей. Его первые шаги в педагогике, по слухам, были полны таких страстей, что мексиканские сценаристы, прознай про то, всем составом дружно уволились бы и ушли в монастырь.

Предание о «бандитском» прошлом Павла Семеновича

На дворе стояла первая половина развеселых 90-х годов. Время, когда, ободренная реформами общественность поняла, какими именно средствами осуществляется «первоначальное накопление капитала». Пассионарии подворотен включились в либерализацию экономики со всей присущей им энергией. Они отлили кастеты, заточили монтировки, раскрутили модные ножи-бабочки и пошли творить свободный рынок.

Их благородный порыв поддержали. Кинематограф немедленно сотворил трепетный образ нового Героя – человека с улицы бандитских фонарей. Не прошло и пары лет с момента падения Союза, как этот образ уже всю жег глаголом и торжествующе бряцал металлом на всех радиоволнах и телевизионных экранах. Он крепко обосновался в сознании даже тех граждан, что не успели познакомиться с ним лично.

* * *

Школа, в которой работал Павел Семенович была тоже новой. Это был эдакий монстр Франкенштейна от образования, сущность которого состояла из двух разных учреждений, объединенных одним зданием и необходимостью выживать в эпоху реформ. На первом и втором этажах закрепилась обычная общеобразовательная школа, а на третьем – осколок старой советской гимназии¹ разбившейся при падении с вершин социализма.

Между этажами шла война. Между завучами, учителями, и, конечно, учениками. И если, возвращенные в СССР учителя по привычке фехтовали жалобами в соответствующие инстанции, то ученики были готовы применить в своих дуэлях более модное оружие – ножи-бабочки.

Глеб Лютов был истинным принцем нижних этажей. Невзирая на небольшой рост, и щуплую фигуру, он делом доказал своим одноклассникам – кто здесь главный. Его узкое прыщавое лицо, угрюмый взгляд исподлобья, и, конечно, приобретенная на свободном рынке пресловутая «бабочка» внушали страх и трепет! А еще, он был неутомим в своем поиске социальной справедливости.

Разобравшись со всеми недовольными на своих этажах, Глеб обратил свой взор ввысь. И обнаружил настоящий Клондайк... Кого там только не было: детишки докторов всяческих наук, отпрыски учителей, сотрудников музеев, средней руки журналистов и прочей творческой интеллигенции. И ни у одного не было «бабочки»! Прямо нефтяная скважина в миниатюре.

Лютов засучил рукава и принялся копать. Он устраивал «стрелки» на улице, мутузил маменькиных сынков в коридорах и туалетах, отбирал карманные деньги и игрушечных трансформеров. Работы был непочатый край, и жизнь наполнена смыслом.

Конечно, жалобы родителей неиссякающим источником лились в школу и милицию. Но милиции было не до того. А школа..., чем может ответить школа на «бабочку»...?

* * *

Одним дождливым Питерским вечером угрюмые педагоги третьего этажа собрались решать вопрос «Лютого». И после бурного обсуждения пришли к классическому выводу – клин вышибается только клином. И если что и может остановить юного бандита Лютого, то это другой, более крутой бандит. Где б его взять еще?!

Учителя внимательно изучили имеющиеся в наличии фактуры и приняли решение, что самый зверско-бандистский вид у Павла Семеновича. И рост, и ширина плеч, и нетипичная для 90-х пухлость щек: все это подходило нужным кинематографическим стандартам. А значит – решено!

В качестве усиления философу придали еще учительницу математики – Татьяну Валентиновну, известную своей еще комсомольской решительностью, горячим темпераментом и подавляющим волю к сопротивлению бюстом.

И вот, на следующий день, во время большой перемены, Лютова вызвали в учительскую...

* * *

Глеба вызовом «на ковер» было не удивить. Он и так у директора в кабинете чуть ли не прописался. Ну а что ему сделают? Поорут? Погрозят выгнать. Так он и сам планировал после

¹ Гимназией советская школа стала называться с 1991 года.

девятого класса бросить все эти глупости и начать серьезную карьеру. Чего время в школе терять?

Поэтому, на вражескую территорию ступил он безбоязненно, где-то даже вальяжно. Руки в карманах, глаза в пол, душа в мечтах. И вот тут-то уверенность его и подвела. Не сразу он заметил, что ждут его не «свои» второзэтажные, учителя, а некие малознакомые персонажи с третьего. И что Татьяна Валентиновна своим телом загородила ему единственный путь к отступлению, и что Павел Семенович накручивает себя перед боем. И что, ангелы Господни застыли в удивленном предвкушении узреть процесс отрастания у добра кулаков. Лютый непонимающе оглянулся, дескать, чего надо?

Павел Семенович драться не умел, но зато он поигрывал в театральном кружке и был к тому же не на шутку разъярен. Он испустил боевой клич и ринулся в атаку. Здоровый взрослый мужик против мальчишки-восьмиклассника.

Учительская представляла собой узкое прямоугольное помещение, центром и единственной достопримечательностью которого был один-единственный длинный стол. Вот вокруг этого-то стола и завязалась погоня. Глеб ринулся прочь, философ – за ним. На стороне Глеба была юркость, на стороне Павла – Татьяна. Лютов бы убежал, но выхода не было! В этой нечестной схватке, Семеныч несколько раз настигал Глеба, и в эти моменты, стремительные философские подзатыльники обрушивались на загривок восьмиклассника. Раз за разом.

И все же Глеб ушел! В какой-то момент, нервы Татьяны не выдержали, и она, распаленная желанием приложить и свою руку к воспитанию Лютого, покинула свой пост. Глеб этот шанс не упустил. Как заяц, преследуемый двумя волками, он совершил немислимый пируэт, ввинтился между громадами злобных учителей и бежал прочь.

Задержись он у дверей, то услышал бы облегченный вздох своих мучителей. Бегство юного бандита было тщательно спланировано. Ведь поймай они его, и что?! На самом-то деле, побить школьника они не смогли бы. А так, семена страха должны были быть посеяны, оставалось надеяться на хороший урожай.

* * *

Не срослось. Лютов не сдался. Он стал осторожней. При встрече с боссами третьего этажа он сжимался, сливался со стенами и виртуозно исчезал из поля зрения противника. Сам человек-невидимка не смог бы лучше!

И пусть нападал на рохлей третьего этажа он теперь реже, но все же нападал. Настоящий боец!

Педсовет 3-го этажа постановил, что урок следует закрепить.

На этот раз решили, что надо поменять тактику, и совершить нападение вне школы. Павел Семенович бросил клич по своим друзьям. Ему требовались самые кошмарные, самые brutальные выпускники гуманитарных кафедр СПбГУ.

И они нашлись. Тощий кандидат наук, главным бандитским достоинством которого был оставшийся со времен андеграунда черный плащ, доктор исторических наук, молитвами своей еврейской мамы добывший старенький жигули – копейку и еще парочка подобных «зверюг».

Совместными усилиями они тонировали окна копейки, посмотрели современные сериалы, в поисках лингвистического вдохновения и выступили. Банда педагогов в составе двух кандидатов наук, одного очкастого доктора, и щекастого школьного философа вышла на дело.

На самом деле, выглядели они со стороны довольно потешно. Но Глебу хватило. Когда тебе 13 лет, и вдруг твою дорогу перекрывает тонированная тачка, из которой выскакивают мрачные мужики... Мужики эти прижимают тебя к стенке, отнимают заветную «бабочку» и обещают порезать на шаверму, если еще хоть раз... Короче, учитель wins! Училили!

До конца девятого класса, по крайней мере третий этаж, Лютый не трогал.

* * *

На самом деле, Семенычу очень повезло, что родители Глеба были не из банды, а всего лишь с завода.

Потому что Павел только в толстом свитере выглядел бывалым бойцом. А если свитер с него стянуть, и «бабочкой» пузико пощекотать, то на поверку, вывалятся из него лишь беззубые Сартры и плешивые Канты. Курам на смех!

Просто две цитаты про воспитание

21 век: Неизвестный гражданин. (фрагмент интервью)

Р (репортер) – Как уберечь детей от наркотиков?

Г (гражданин) – Какие глупые вопросы вы задаете! Пиз...ть! Если маленький, то пиз...ть. Если большой – убить на х. й!

Р – Можно ли пиз...ть ногами?

Г (С улыбкой) – Конечно. А только ногами и нужно. Потому что руками, вы знаете, оно на неделю хватает. (Грустно) На неделю... А потом снова наркотики эти, сигареты... Пиз...ть!

16 век. Протопоп Сильвестр. («Домострой», фрагмент)

Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалея, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти...

Любя же сына своего, учащай ему раны – и потом не нахвалишься им...

Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет...

Вопреки представлениям некоторых малодушных современников, православные традиции в стране не забыты.

Глава 2. О директорах и неожиданных открытиях

Слабость Прометея

Они ломали любых партизан. Правая рука в их команде работала Матой Хари. Очень яркая, женственная, она была способна одной только улыбкой вымести из головы мужчины все его дурацкие принципы. «Хороший полицейский», вооруженный стройными ногами, зовущей улыбкой и волшебными крупными кудряшками – страшная сила.

Левая рука работала иначе. Это была милейшая бабушка, от которой никто и никогда слова плохого не слыхивал. Мать Тереза, причудливой ошибкой судьбы, попавшая в хищное тело постсоветского завуча. Она не очаровывала, она брала партизана на жалость.

– Конечно, – говорила она, выпуская тяжелый вздох. – Тогда я сама все сделаю за вас. Схожу куда надо, ничего. Мне в мои шестьдесят с лишним прогуляться очень полезно. Сердечко, жаль пошаливает, но ничего с ним ведь не случится, наверное...

Приличной молодежи противостоять этому приему было сложно. Сдавались почти поголовно.

Ну а если «руки» все-таки не справлялись, то за дело бралась голова – лично директриса. И вот она-то играла уже «плохого полицейского».

Она являлась к партизанам, размякшим после обработки «хорошими» завучами, и устраивала им натуральное аутодафе. Она хлестала упрямцев статьями трудового и уголовного кодексов. Заупокойным басом цитировала фрагменты школьного устава и водила каленым железом над трудовой книжкой. Картины Страшного Суда проплывали перед глазами непокорных, повергая их в пучину ужаса и раскаяния.

Эта команда не знала промахов и поражений. И тут вдруг такой облом!

Директор посмотрела на свою правую руку, и по поникшим кудряшкам поняла, – помощь не придет. Левая рука, судя по сцепленным в замочек рукам и упертому в пол взгляду, тоже была близка к сдаче.

А вот кто глаз не отводил, так это сидящий напротив молодой историк. По его взъерошенному дерзкому взгляду было ясно, – он возомнил себя Прометеем. И даже под угрозой вечного цирроза, уже не отступит.

– Вот же паршивец! Совершенно не печется о благополучии руководства!

Самое обидное, что дело, по сути, было совершенно пустяковое. В 2008 году, Санкт-Петербург готовился торжественно принять эстафету Олимпийского огня. И власти оттого впали в повышено тревожное состояние. Им нужна была праздничная атмосфера, а доверить ее создание народу было нельзя.

Петербуржец и так-то инертен, ленив и склонен к беспричинному впаданию в спячку на ровном месте. А уж если надо сделать что-то общественно полезное, так и вообще – пиши пропало.

Власти подумали, и поняли, что, может так случится, что на бегущую с утра пораньше эстафету никто не придет. И тогда город опозорится перед всем миром. И тогда светлоликий обратит свой гневный взор на городскую верхушку...

Тут-то власти и вспомнили о школах. Ведь гарантированно пристойную массовку можно сделать безо всякого народа. А еще без шума, пыли и назойливых журналистов. Административными, так сказать, мерами. Надо всего лишь позвонить старым, надежным партнерам. Например, школьным директорам.

В школу «А» неофициальный звоночек из Смольного тоже поступил. Директор заверила начальство, что все будет сделано в лучшем виде, передала властный посыл классным руководителям и вернулась к своим делам.

И тут, совершенно неожиданно, в ее благополучном хозяйстве, в ее тихой, славной школе случился бунт.

В принципе молодой историк в повстанческих настроениях ранее замечен не был. Выволочки терпел молча, под ногами не путался. Хороший материал, из тех, кто занят своим делом, и никуда особо не лезет.

Кто же знал, что в такой безобидной ситуации, он возьмет да и упрется. Видите ли, не школьное это дело создавать массовку! Подумать только, – у ребят скоро экзамены, и им нельзя терять учебный день. Принципиальный, понимаешь! Диссидент, чтоб его!

И ведь право, смешно из такой мухи делать слона! А с другой стороны, из такой вот «мухи» могла вырасти большая беда. Другие «классные» приняли «эстафетную» повинность безропотно. Но узнай они, что для кого-то сделали исключение, и гипотетически можно никуда не ходить... Тут может случиться уже не бунт, а самая настоящая революция. А если от школы на эстафету никто не явится, то из Смольного позвонят еще раз...

Вот и мучилась великолепная троица уже который час. Сперва завучи пытались работать самостоятельно. Час в одном кабинете, час в другом – все без толку! Тогда зондеркоманда собралась уже в полном составе и постаралась задавить непокорного историка всем скопом. И снова никак. Уговоры не помогали, угрозы не действовали, на сделку партизан не шел.

Директор смотрела на упрянца и размышляла. Она вполне могла устроить ему неприятности. Но его это, очевидно, не беспокоило. – Что же тебе надо, дурачина?!

И тут ее осенило. Она глубоко вздохнула и сняла очки. Надо было действовать аккуратно, показать историку, что он победил, и никуда его, вместе с его разлюбезными детьми силком не отправят. Тогда он выйдет из бунтарского клинча, и можно будет использовать его главную слабость.

– Ладно. Хорошо. Не хотите – не надо. Только пообещайте мне одну вещь?

Одна из бровей историка недоверчиво приподнялась.

– Вы заботитесь о детях. Это здорово. Но вы узнайте для начала, что они сами по этому поводу думают.

– Это я могу, – согласился после недолго раздумья партизан.

– И если они сами захотят пойти...? – С нажимом на слово «сами» уточнила директор.

Лицо молодого учителя омрачилось эхом глубинных моральных столкновений.

– Если ребята захотят пойти, то я все сделаю.

Директор откинулась в кресле, и с трудом удержала себя от улыбки. Это была безоговорочная победа. Для большинства школьников, перспектива прогулять учебный день была однозначным благом. Так что в итогах детского голосования можно было не сомневаться.

Директор могла собой гордиться. Она вовремя вспомнила, что слабостью таких вот молодых Прометеев всегда были их возлюбленные ученики.

ЗЫ. Когда старые львы начинают решать вопросы в манере «хорошего полицейского», их молодые сородичи понимают – пришло время перемен.

Сексуальные нюансы педсовета

Система звукового оповещения зовется школьными массами словом «матюгальник». И включается «матюгальник» только по очень большим праздникам. То есть, во время пожарных учений.

Тем удивительнее было услышать характерное прокашливание «матюгальника» буквально через пять минут после начала второго урока. (Обычно учения проходят ближе к концу учебного дня) Выполнив необходимую прелюдию, система торжественным голосом директора объявила, что все учителя должны немедленно явиться в аудиторию такую-то для проведения срочного педагогического совета.

Вьюноша, что всего три дня назад заступил на должность учителя истории в школе «Х» слегка удивился. Ведь есть первая заповедь педагога, и она гласит – не брось ни одного ребенка без пригляда во время урока, ибо проблем потом не оберешься. Впрочем, в чужой монастырь со своим, как говорится, не ходят.

Так что, спустя еще пару минут, вьюноша смог воочию наблюдать, как проходит срочный педагогический совет. Открыл его директор лично. Подобно герою из древних преданий вознесся он на кафедру. Вся фигура его дышала благородством. Прямая спина, царственное спокойствие и только в глазах – печаль. Печаль божества, сокрушающегося о своих нерадивых созданиях.

Дальнейшая речь прояснила пафос ситуации. Как выяснилось, неделю назад в школу «Х» приезжали сотрудники ну очень серьезной государственной организации проверять донос об экономических преступлениях. Учительницу, написавшую донос, – небрежно заметил директор, – на месте хватил удар, ибо ничего никому она не писала. Сейчас она в реанимации. —

Он глотнул воды, слегка передержал мхатовскую паузу, и добил аудиторию поразительным фактом. – Но мы знаем, кто это написал. Вы... – указующий перст, – Марья Ивановна!

Закончить свой обличительный монолог директору не удалось. Ибо упомянутая Марья Ивановна восстала, подобно раненному титану, и возопила. Не знаю, как точнее охарактеризовать тембр ее голоса. Это был одновременно и визг, и рёв. Некий плач гнева, в котором октавы кружились, подобно туалетной бумаге посреди торнадо. Сильно! Против подобного искреннего ультразвукового негодования гордо и, главное, тихо не повыступаешь. И героический директор временно ступевался.

Впрочем, на каждого Голиафа найдется свой Давид. Школьная завуч, хоть и уступала Марье Ивановне в росте, но имела свои сильные стороны. Статью и талантами она пошла в своего легендарного предка, известного под именем Колобок. От него, помимо внешности, ей также достались способности виртуозно укатываться от крупных хищников, жестко расталкивать мелких и мастерски кидать разнообразных лохов.

Ну и главное, – громкостью, тональностью, и энергетикой завучиха не уступала проклятой доносчице. В нужный момент завуч взвилась в воздух и завопила, – Да, мы все знаем, что это была ты!

Баталия грозила перейти на частоты, недоступные человеческому уху, когда директор предложил доносчице высказаться спокойно, пусть даже и с кафедры. Сказано – сделано.

Марья Ивановна оказалась женщиной мощной. Была она по ошибке собрана не природой, а сотрудниками мебельной фабрики, отдел шкафов. Гардероб ее, к слову, подбирали в секонд-хенде сценических костюмов поп-звезд эпохи Диско. Восхождение сего дивного явления на кафедру сопровождалось гневными охами, и средней громкости ругательствами. И не предвещали они ничего хорошего ни директору, ни всем остальным силам зла нашего грешного мира.

Свою речь Марья Ивановна начала убийственным аргументом. – Вы все знаете, – говорит, – что в детстве я упала и сильно ударила головой, и последствия травмы остались со мной на всю жизнь! И что мне никуда кроме школы дороги нет. – Откровение! Но, если подумать, и действительно – куда с травмой головы, кроме школы!? – Я вот деточек больше всего люблю, – Марья Ивановна тоже выдержала паузу. – А..., – тонкий переход, – все деньги в школе идут в карман любимчиков директора... -

– Ложь!» – сорвалась с места завучиха. И выдвинула свой контраргумент. – Уйди, или я тебя засужу, обвиню в сексуальном домогательстве! —

– Ты меня сама домогалась, – яростно парировала Марья Ивановна.

– Нет-нет, это правда, – вступился за правду престарелый физик, – на последнем новогоднем празднике ты меня на глазах у всей школы прямо на пол завалила и попыталась изнасиловать. До сих пор стыдно!»

Собрание учителей прервал только звонок. Школьники так и не дождались возвращения своих педагогов. Но это простительно. Слишком уж важные и не терпящие отлагательств вопросы решались на педсовете. Что тут добавить? А, вот! В 2007 году школа «Х» была награждена знаком «за патриотическое воспитание граждан России».

Педагогика виски

Университетские года, полные истории, знакомства с алкоголем и другими увлекательными явлениями, изменили многое, но не Мечту. И как только заветный диплом был тщательно обмыт и отложен на вечное хранение в стол, кривые дорожки судьбы благополучно повели вьюношу в школу. Учить!

Ну не удача ли?! Тут же подвернулись предложения о работе сразу из двух школ. Директор одной из них, потирая потную лысину, вымученно улыбнулся и сказал, что учить никого и ничему не надо. Потому что научить другого человека чему-либо, практически невозможно. Здорово, если получится увлечь своим примером. И вообще – главная задача молодого учителя, особенно в первый год, – заботиться о себе, расслабляться и стараться поменьше нервничать.

Иначе сложился поход во вторую школу. Ее директор встретил вьюношу в огромном мягком кресле с бокалом охлажденного сока. (Там плавали кубики льда! В школе, в 2005-то году!) В его огромном кабинете не было залежей потертых папок и захоронений макулатуры. И подержанной техники там тоже не было. И вообще, вместо лысины он носил стильный костюм-тройку и по-крокодилу Голливудскую улыбку.

Он сразу пообещал, что все будет хорошо. Поклялся на всех священных книгах, что напрягать молодого учителя особенно не будут. Зато помогут разобраться в нюансах профессии. И надбавку к зарплате обеспечат. И в кущи райские вьюноша уже третий в очереди.

Выбор был очевиден. Ну а там уже, слово за слово, вьюноша не только взял тридцать с лишним часов педагогической нагрузки, но и классное руководство в 5-м «В».

И вот, наконец, наступил день знаний. Он же – первый день на работе! Вьюноша явился на торжественную линейку аж побритым. И это не говоря о лучшем костюме, приправленном единственным галстуком! А уж одеколоном «Невинность» и благими намерениями от него и вовсе за версту несло.

Первый же встречный ребенок, тоже одетый в свой лучший костюм, и, к слову, тоже слегка придушенный галстуком, учителя ждал. Ребенок, отчаянно тушуясь, промямлил что-то невнятное и неожиданно ткнул в учителя шикарным букетом цветов.

Ему родители что сказали? Вручить класруку! Родители-то не в курсе, что онный класрук – молодой парень, и из цветов признает исключительно кактусы, и то, только из уважения к их высокой выживаемости в условиях, приближенных к пустынным.

Ребенок поставленную задачу с успехом выполнил и облегченно выдохнул. Молодой же учитель, не блеснув способностями к предвидению, ухмыльнулся. Дескать, друзьям расскажу, что мне цветы дарят – вот смеху-то будет. А в 5-м «В», однако, было 30 голов учеников...

На следующий день вьюноша дал свой первый «урок жизни», объяснив детишкам, что дарить цветы мужчинам – дело неблагодарное. На день учителя, соответственно, ученики пришли с... тридцатью букетами цветов!

Вьюноша вздрогнул, но ошибки учел, и нехитрую мысль свою повторил уже на родительском собрании. Можно было бы сразу додуматься, – подарки-то именно родители покупают. Что с детьми говорить! Но вот теперь-то все наладится.

В конце учебного года молодой учитель торжественно получил пять мягких игрушек и двадцать пять букетов цветов...

Постепенно, путем проб и ошибок, вьюноша понял, что работать с «подарочным вопросом» имеет смысл только со старшеклассниками. И, чтобы не было недоразумений, объяснил им максимально прямо – мужчинам дарят алкоголь! Нет, конечно, быстро добиться нужного результата все равно не вышло. Дети мялись, стеснялись, сжимали зубы и пытались отделаться легким вином. Но вода камень точит.

Прошли годы, но каждый раз, получая в подарок бутылочку хорошего виски, поседевший вьюноша вспоминал того лысого директора. Все же тот был не до конца прав. Если очень хотеть, чему-то научить все же можно.

Последний урок лысого директора

Вообще-то, у лысого директора вьюноша тоже поработал. По совместительству, по субботам. Бывает такое по молодости – очень хочется работать.

Школа лысого директора располагалась в старом доходном доме в исторической части Санкт-Петербурга. Что, впрочем, на качество ее как школы никак не влияло. Отсевом здесь не занимались, и среди учеников попадались ну очень яркие персонажи. И семиклассница тут рожала, и банду старшеклассников прямо с урока забирали внутренние органы, и много другого было, бодрого.

Но всего этого, вьюноша, конечно, еще не знал. И явился на свой первый же урок в пятом классе с полной уверенностью в неизбежном торжестве разумного, доброго и, конечно, вечного.

Директор пополнению порадовался сдержанно. Сколько на его веку таких вот камикадзе прилетало. Вьюношу он поприветствовал, пожелал удачи, да и занялся насущным – сдачей школьных помещений в аренду всем, кто возьмет.

В том же духе встретил новичка и пятый класс. Минут десять присматривался, а потом сделал вывод, что учитель – тряпка, и можно делать все, что душе вздумается. Вьюноша даже разгневаться не успел, настолько иначе представлял себе, как оно будет. А потом не успел заметить, как уже вплотную подошел к той тонкой грани, что отделяет обычного интеллигентного человека от прославленного эпическими массовыми казням мега-маньяка.

Кульминация наступила секундой позже, когда пятиклассник Гоша Скворцов в полемическом задоре, кинул на пол какую-то дрянь. Один в один – в тот же самый момент, как запас прочности вьюношеских нервов окончательно вышел.

Вьюноша вспомнил, как некогда давал себе слово стать тем учителем, что никогда не кричит на детей. Вспомнил, с мимолетным удивлением осознал, насколько просто пересматриваются жизненные принципы, и забрал то слово обратно. Да так забрал, что с потолка побелка посыпалась! Орал демократичный вьюноша истерично и заполошно. И все об одном, дескать – поднимись и уברי за собой.

Пятиклассник хмуро смотрел на орущего педагога и решительно отказывался даже с места встать. О том, чтобы убрать мусор речи и подавно не шло. По сути, урок на этом закончился. Уступил место более насущному мероприятию – боям без правил. Пятый класс отложил важные дела, и, наконец, с интересом наблюдал за учителем.

Вьюноша использовал все что можно, шестым чувством понимая, что не может позволить себе проиграть. Потерять всяческий авторитет в первый же день работы – не самая удач-

ная затея. Он взывал к совести и грозил родителями, пытался заручиться поддержкой коллектива и сулил кары небесные.

Но, не на того напал! Скворцов пошел на принцип. Максимум на что он согласился, все-таки встать и дойти до оскверненного им кусочка пола. Но дальше – ни в какую. Славные традиции партизан да не истощатся в нашем народе. Учительский авторитет в синих трусах нокаутирован и лежит в углу ринга.

Со звонком вьюноша понял, что у него больше не осталось аргументов. И тогда он зашел с козырей – вызвал директора школы. С подлой мыслишкой, дескать, – вот сейчас, мелкий ты, Скворцов, негодник, получишь порцию ума-разума по высшей программе. А я заодно поучусь тому, как это делают ум с разумом.

Директор не заставил себя ждать. Правда, отчет о происшествии он выслушал как-то без огонька, но брови хмурил строго. И вердикт вынес нужный. – Сказал учитель, значит, убирай.

Пятиклассник смерил директора долгим взглядом исподлобья, а затем взял да и послал. Да не просто послал, а в такие дали, что вьюноша со словарем дорогу не факт, что нашел бы.

Директор на это только снова вздохнул, с тоской оглянулся на дверь, а потом взял, да и отпустил пятиклассника домой. А шокированному учителю пояснил.

– В целом-то парень прав. Нет у нас юридических возможностей ни задерживать его, ни заставлять убираться. —

А потом снова пожелал удачи, да и удалился пилить школьный бюджет. Ну или горькую пить, кто же его знает.

Перемен...

В школе N, в июле месяце произошла смена директора. Бабушку, ранее рулившую школой железной рукой советского производства, уволили по причине пенсионного возраста и отсутствия членства в нужной партии.

То есть не уволили. Школьных директоров вообще не увольняют. Они как волки почуявшие приближение смерти – получают сверху знамение, внезапно ощущают накопившуюся усталость и тихонечко пишут заявление «по собственному желанию».

Благо, новое поколение директоров уже готово их сменить. Новое поколение, главным образом, состояло из стильных молодых дам. По нелепой превратности судьбы, в подавляющем большинстве – крашенных блондинок, выгодно отличающихся заблаговременным в нужную партию вступлением.

Такая вот очаровательная особа и появилась одним прекрасным утром в школе N. Она щеголяла строгим деловым костюмом, тщательным маникюром, и что самое важное – умением хранить каменное молчание в присутствии старших по званию. Ходили слухи, что раньше она занимала административную должность на мясокомбинате средней руки. Впрочем, ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию любопытным учителям не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.